

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Москвина В.А., Сотникова Е.В. Песенный фольклор казаков Омского Прииртышья в записях конца XX–XXI вв
// Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77326 EDN: RQUPYK URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77326

Песенный фольклор казаков Омского Прииртышья в записях конца XX–XXI вв.

Москвина Вероника Анатольевна

ORCID: 0000-0003-1428-7017

кандидат филологических наук

доцент; кафедра литературы и культурологии; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Омский государственный педагогический университет"

644070, Россия, Омская обл., г. Омск, Центральный округ, ул. Звездова, д. 101, кв. 212

✉ moskvina_va@mail.ru

Сотникова Елизавета Васильевна

бакалавр; филологический факультет; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Омский государственный педагогический университет"

644070, Россия, Омская обл., г. Омск, Центральный округ, ул. Звездова, д. 101, кв. 212

✉ liza.sotnikovaaa@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77326

EDN:

RQUPYK

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2025

Дата публикации:

22-12-2025

Аннотация: Предметом исследования являются песни, зафиксированные от представителей казачьих фамилий в поселениях, ранее составлявших Горькую

укрепленную линию Сибирского казачьего войска. Источником материала стали сборники Е.Я. Аркина «Запевает казак песнь. Песни казачьих станиц Омской области» (1999 г.) и «Песни сибирских казаков Горькой линии. Поздний период записи» (2024). Цель работы – рассмотреть особенности варьирования текстов казачьих песен в условиях переселенческой культуры Среднего Прииртышья. Казачья песенная традиция Омской области представлена совокупностью разножанровых текстов: свадебные песни и необрядовая лирика, песни литературного происхождения. Ее локальная специфика складывается на общеславянской основе в результате взаимодействия различных региональных традиций: старожилов и поздних переселенцев – «самоходов», выходцев из Белоруссии, Украины, а также различных областей центральной России. Для вариативного анализа привлекался сравнительный материал, зафиксированный, в первую очередь, в регионах Сибири, а также фольклорные собрания, содержащие тексты песен, записанные в местах исконного проживания казаков. Традиционная казачья песня в современном бытовании представляет собой сложный синтез текстов как в жанровом аспекте, так и в отношении аутентичности ее вариантов и межпоколенной преемственности. В омских текстах выявляются общие черты песенного казачьего фольклора: историческая и воинская тематика, локальная приуроченность. Новизна исследования заключается в обращении к анализу поздних записей локальной песенной традиции, рассмотрению ее специфики в контексте изменяющихся исторических условий переселенческой культуры. Это позволило выявить основные тенденции варьирования текстов: во-первых, адаптацию песен к новым условиям бытования с помощью введения в текст местных топонимов или деталей, во-вторых, упрощение, сокращение текстов в соответствии с меняющимися условиями жизни казаков, и в-третьих, усиление лирического начала за счет сокращения повествовательно-описательных эпизодов.

Ключевые слова:

казачий фольклор, жанр, свадебная песня, строевая песня, песни литературного происхождения, локальный вариант, региональная традиция, вариативный анализ, сибирские казаки, переселенческая культура

Освоение Сибири и, в частности, Омского Прииртышья неразрывно связано с казачеством. Сибирские казаки сформировали особый пласт традиционной культуры, который почти полностью оказался утрачен в советский период. Целенаправленное исследование песенного фольклора сибирских казаков началось в постперестроечный период. Так, фольклор забайкальских казаков рассматривают Ю.В. Аргудяева, В.Л. Кляус, Л.П. Махова [\[1-3\]](#), публикацией и изучением песен кемеровских занимается Е.М. Бородина [\[4-6\]](#), песенные традиции алтайских казаков представлены в работах Н. И. Бондаревой, А. В. Мамеевой, В.И. Мотузной [\[7-8\]](#).

С 1951 г. в Омской области осуществляется систематическое собирание фольклора силами преподавателей и студентов Омского государственного педагогического университета. В фольклорном архиве вуза хранится богатейший материал, в котором, однако, нам не удалось обнаружить каких-либо указаний на принадлежность исполнителей к казачьему роду, т.к. носители казачьих традиций в советскую эпоху не могли открыто в этом признаться. Следовательно, однозначно определить отношение каких-либо записей к казачьему фольклору мы не можем. Поэтому для анализа песенного репертуара омских казаков мы выбрали публикации Е.Я. Аркина [\[9-11\]](#),

который, начиная с 1990-х гг., целенаправленно записывал песни от пожилых представителей казачьих фамилий.

Традиционная культура – это сложное и всеобъемлющее явление. Она оказывает влияние на все аспекты человеческой жизни, формируя этническую идентичность. Возрождение казачества совпало, с так называемым, фольклорным Ренессансом в России, который, по мнению Л. Олсон, проявился в двух направлениях: классическом, т.е. в стремлении передать со сцены аутентичное звучание, в фокусировке внимания на исторической и культурной ценности народных песен, и в экспериментальном, где традиция становится основой для инноваций, включаясь в джазовые и электронные музыкальные тексты, обогащаясь современными ритмами и приемами [\[121\]](#).

Современная жизнь казачьей песни – результат пересечения названных направлений. Со сцены в исполнении различных профессиональных и самодеятельных коллективов звучат наиболее яркие произведения из репертуара донских и кубанских творческих коллективов. Эти песни стали стереотипом традиционной казачьей культуры, их мотивы используются как электронные семплы. Поэтому так важно выявить и проанализировать образцы песен локальной традиции в их естественном (даже в пассивном) бытовании.

Обрядовый фольклор представлен свадебными песнями, зафиксированными в казачьем поселении Первотаровка Исилюльского района Омской области. Данное поселение возникло в XVIII в. как казачий редут на Горькой линии, т.е. укрепленном рубеже, защищавшем Прииртышье от набегов степняков. Когда редут утратил свое военное значение, сюда стали переселяться крестьяне из Черноземья, а также Смоленщины и Черниговщины.

В сборнике «Песни сибирских казаков Горькой линии. Поздний период записи» Е. Я. Аркина два варианта свадебной песни с широко распространенным зачином: «Уж как по морю, по морю». Однако сюжетную ситуацию в данных вариантах можно назвать уникальной, т.к. в сборниках обрядовой поэзии варианты нам обнаружить не удалось.

Первый вариант записан в 1991 г. от Дарьи Павловны Кульневой (1917), местной уроженки. Песня исполнялась, когда жених приезжал за невестой в день венчания. Жених ожидал на улице, а невеста на песне причитала.

Уж как по морю-мо...рю,

Вдоль по синему мо...рю.

Там(а) плыли-ли-поплы...ли

Три-четыре утё...о-нушка.

Уж как пятый утёнуш,

Он назадъ вороти...ил(ы)ся.

Вот садились утенуш,

Он на крутой бережо...чек(ы).

На желтый, мелкий песо...чек,

Да умывалась утёнуш.

Что водой ключево...ю,

Да утиралысь утё...нуш.

Да утиралысь утё...нуш,

Что травой шалковой [\[11, с. 12\]](#).

Второй вариант зафиксирован от Кристины Петровны Полукаровой (1898) и Анны Павловны Щербининой (1912), потомственных казачек. Здесь варьируется вторая часть песни, включающая монолог:

...Что назадь воротился:

– Меня тятенька кличет.

Меня тятенька кличет,

Еще тут мне не спутье.

Еще тут мне не спутье.

Не милое приголубство [\[11, с. 13\]](#).

В первотаровских вариантах основной персонаж – утенуш. По функциям и по смыслу это лирическая свадебная песня, выражающая состояние невесты перед венцом. А.В. Гура отмечает: «В восточнославянских песнях, прежде всего свадебных, утка, как и некоторые другие птицы (лебедь, перепелка, иволга, галка), распространенный образ девушки, невесты, а селезень – жениха» [\[13, с. 669\]](#). В «Словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» зафиксирован фразеологизм «Утку покупать», т.е. свататься [\[14, с. 260\]](#).

Образ утки, плавающей по морю, встречается в свадебной лирике сибирских белорусов-переселенцев. Этот мотив чаще всего включен в состав формулы двучленного параллелизма: «Там уточка купалася / Там Олечка прибиралася» [\[15, № 37\]](#); «На море уточка й купалася, / Своему перыку дивовалася... / У каморе девочка умывалася» [\[15, № 71\]](#); «На море уточка да купалася, / На своё перьейка любовалася... / В каморке девица бело мылася, / На свое личико любовалася» [\[15, № 73\]](#); «На море уточка пакупалася, / Вылезши на берег абтиралася... / В терему й Катенька нарижалася, / На сваё личика любовалася й» [\[15, № 74\]](#). Эти песни, построенные на двучленном параллелизме, исполняются во время сборов невесты к венцу и наиболее близки к первому варианту из Первотаровки, который в отличие от белорусских строится на одночленном параллелизме.

Некоторые переключки со вторым первотаровским вариантом можно увидеть в белорусских песнях-расставаниях молодой с родителями:

Плыла утица водою,

А утиняты за нею

Речкою быстрою,

Травой шелковой...

Однако во второй части песни не отец зовет свою дочь, а она его:

Ишла Светочка в(ы) камору,

Звала батюшку с собою:

– Батюшка родненький,

Разлука нам с тобой [\[15, № 258\]](#).

По месту в обряде эти тексты также не совпадают с первотаровским вариантом.

От К. П. Полукаровой и А. П. Щербининой записана еще одна свадебная песня «У нас свашенька да богата». Сам текст короткий, состоит из 8 строк:

У нас свашенька да богата,

Да богата.

Она с гривны на гривну наступала

Наступала, да.

Не рублевые ворота открывала,

Открывала, да.

Не полтинай ворота закрывала,

Закрывала [\[11, с. 17\]](#).

Эта величальная песня известна в разных местах Сибири. Так величают сваху, дружку и других свадебных чинов. Сходный вариант этой песни, зафиксированный в Красноярском крае, опубликован в сборнике «Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть» [\[16, № 232\]](#). В нем сваха бросает «полтиннички» в стороны, наделяет нищих и убогих и рублем отпирает двери. Два текста представлены в книге «Тюкалинская свадьба. Свадебные традиции русских старожилов Омского Прииртышья» [\[17, с. 196, 207\]](#). В одном варианте свашенька «миллиёными ворота открывала» [\[17, с. 207\]](#), в другом, более полном, сватушка открывает не ворота, а шкатулку золотым ключом. В ней деньги, которые сватушка дает девушкам на «белины» и румяна. Таким образом, варьирование касается величины богатства свахи и ее щедрости. По сравнению с этими вариантами в тексте из казачьего поселения наблюдаются следы разрушения, искажения смысла.

Свадебная песня «Уж ты ласточка касатая» из электронной версии сборника Е. Я. Аркина «Запеваает казак песнь», по определению составителя, является казачьей. Записана песня во время экспедиции 2005 г. в одном из казачьих поселений Горькой линии:

Уж ты ласточка касатая,

Да перепело...чка крылатая.

Ты зачем рано вылетывала,

Да из своего теплого гнездушка?

Не сама собой вылетывала,

Не сама я собой выходила.
Не сама я собой выходила,
Да выводила княжна-свашенька.
Да выводила княжна-свашенька,
Она садила меня за дубовый стол.
Она садила меня за дубовый стол,
Да возле добра молодца.
Да отдает меня родимый тятенька,
Присудила родна мамоника [\[9\]](#).

В сборнике «Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть» представлены четыре варианта данной песни. Три варианта исполняются на девичнике. Текст, записанный в 1968 г. в с. Корнилово Томского района Томской области, начинается так же, только выгоняет девушку-невесту из гнездышка «ясён сокол». Затем она обращается к подружкам и говорит, что «приневолила родная матушка, да посоветовали люди добрые», а далее описывает «чужу дальнюю сторонушку», которая усажена садами, пригорожена виноградами, сахаром усыпана и слезами улита [\[18, № 29\]](#). В этом же сборнике в комментариях указан еще один самый короткий вариант данной песни [\[18, с. 382\]](#). Записан он в 1990-1991 гг. в д. Лебяжье Сорокинского района Томской области.

В с. Крутинка Омской области в 1952 г. был зафиксирован вариант «Да ты, ласточка, ласточка, / Да сизокрылая, касатая» [\[16, № 30\]](#), в котором ласточка вылетает из гнезда, потому что его подмочили сильные дожди.

Схожий с предыдущим четвертый вариант данной песни «Ласточка касатая» [\[16, № 134\]](#), записанный до 1913 г. в Бухтарминской долине (Южный Алтай) от староверов-каменщиков, наиболее полный. Он исполняется в ожидании свадебного поезда. Ласточка рассказывает о том, что ей пришлось вылететь из гнездышка, так как накатилась туча с громом и молнией, пошел дождь, и оно промокло. А «чужа дальна сторонушка» в данном варианте усыпана «узюмом», «исполёвана» медом и слезами.

Еще два варианта есть в сборнике «Свадебные песни Томского Приобья. Народные песни, записанные в Томской области» [\[18, с. 42\]](#) и книге «Тюкалинская свадьба. Свадебные традиции русских старожилов Омского Прииртышья» [\[17, с. 121\]](#).

Таким образом, нами обнаружено шесть сибирских вариантов данной песни. Никаких пометок, что это казачья песня в комментариях к ним нет. Большое количество известных вариантов говорит о ее популярности, а также указывает на схожесть свадебного обрядового репертуара у казаков и русских. В целом рассмотренные свадебные песни, зафиксированные от потомственных казачек, имеют восточнославянскую основу и демонстрируют взаимодействие разных переселенческих традиций.

Историческая тематика в казачьей лирике, исследованию которой посвящены работы Е. М. Бородиной [\[4-6\]](#), В. Л. Кляуса [\[2-3\]](#), Е.В. Белоусовой [\[19\]](#) и др., является

специфической чертой устного творчества казаков. История в лирике становится фоном, на котором раскрывается внутренний мир героя-казака.

В корпусе необрядовых казачьих песен, собранных в Омском Прииртышье, можно выделить особую группу текстов, записанных от потомственных казаков, переселившихся в с. Соляное Черлакского района Омской области в 1950-х гг. из Маньчжурской области Китая. Как отмечают В. Л. Кляус и В. П. Махова: «Историко-культурные, социальные, политические обстоятельства жизни эмигрировавших в Китай забайкальцев фактически законсервировали до 1960-х гг. казачий уклад <...> Это позволило поколению забайкальских эмигрантов 1930–1940-х гг. рождения естественным образом перенять от старших песенную и танцевальную культуру, обрядовые традиции» [\[3, с. 89\]](#). Эти песни отличаются хорошей сохранностью и полнотой текстов.

Песня «Из-за леса, леса копий да мечей» [\[10, № 21\]](#) относится к жанру строевых. В примечаниях собирателя читаем: «Записана в с. Соляное Черлакского района от Н. Н. Морозовой (1934), род. в пос. Верхняя Урга Трехреченского района Маньчжурской области Китая, А. А. Макаровой (1935), род. в пос. Верхняя Урга Трехреченского района. Обе с 1955 г. живут в с. Соляном» и «В. С. Бочкарева (1940), род. в пос. Верхний Кулий Трехреченского района Маньчжурской области Китая. В с. Соляном с 1955 г.»:

Из-за леса, леса копий да мечей,
Едет сотня казаков-усачей,
Эй, эй, говорят,
Едет сотня казаков-усачей.
Впереди их есаулик молодой,
Ведет сотню казаков за собой,
Эй, эй, говорят,
Ведет сотню казаков за собой.
«Вы казаченьки, лихие усачи,
Пики в руки, сами по полю скачи,
Эй, эй, говорят,
Пики в руки, сами по полю скачи!»
Проезжали мы большие города,
Все красавицы кричали нам «Ура!»
Эй, эй, говорят,
Все красавицы кричали нам «Ура!»
Проезжали мы сибирские мосты,
Все красавицы бросали нам цветы,

Эй, эй, говорят,
Все красавицы бросали нам цветы.
На завалах мы стояли как стена,
Пуля сыпалась, жужжала как пчела,
Эй, эй, говорят,
Пуля сыпалась, жужжала как пчела.
Не боимся мы ни пуль и ни снаряд,
Разобьем мы весь их вражеский отряд,
Эй, эй, говорят,
Разобьем мы весь их вражеский отряд! [\[10, с. 139\]](#).

В сборнике П. С. Выходцева «Лирические песни» в разделе «Казачьи песни» мы нашли два варианта данной песни «Из лесу лес копий и мечей» [\[20, с. 453\]](#) и «Из-за леса, из-за гор, из-за щелей» [\[20, с. 454\]](#). В первом варианте, записанном от Л. А. Кутюковой в 1976 г. в Казахской ССР, Талды-Курганской области, сотня казаков-усачей едет разбивать басмаческий отряд, тогда как в омском тексте – вражеский отряд. В сборнике П. С. Выходцева «На границе мы стояли, как стена», а не на «завалах». В казахстанском варианте: «Уж вы, братцы, семиречи-казаки», «И вернемся в Семиречию опять, С молодыми семиречками да гулять», а в омском «Проезжали мы сибирские мосты».

Второй вариант из сборника П. С. Выходцева записан в 1964 г. в Краснодарском крае, станице Прочноокопской от Е. Н. Травкина (56 л.). В этом варианте пуля ранила молодого командира и «в поле алыми цветами расцвела».

В песенном архиве ансамбля «Казачий круг» мы нашли еще один вариант этой песни. Перед текстом песни есть пометка, что это строевая походная песня донских казаков «Пуля ранила донского казака» [\[https://2009.kaz-krug.ru/pesniarch/85-iz-zalesu.html\]](https://2009.kaz-krug.ru/pesniarch/85-iz-zalesu.html).

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» мы встретили еще один вариант данной песни (Книга первая. Часть третья, XXIV). По сюжету романа Григорий услышал эту песню в Нижне-Яблоновском хуторе Вешенского Юрта:

А из-за леса блещут копия мечей.
Едет сотня казаков-усачей.
Попереди офицер молодой,
Ведет сотню казаков за собой.
За мной, братцы, не робей, не робей!
На завалы поспешай поскорей.
А кто первый до завалов добежит,
Тому честь, и крест, и слава надлежит.

На завалах мы стояли, как стена.

Пуля сыпалась, летела, как пчела.

А и что это за донские казаки –

Они рубят и сажают на штыки.

В песне из романа М. А. Шолохова казаки получают награду за смелость и воинское умение, чего нет в сибирских и казахстанском вариантах. В варианте Шолохова представлена исключительно военная ситуация, тогда как в более поздних текстах появляются красавицы, которые бросают цветы, или молодые семиречки, с которыми казаки гуляют. Возможно, Шолохов корректирует народный вариант песни в соответствие с художественным замыслом.

В варианте из сборника В.Г. Захарченко «Народные песни Кубани» (Краснодар, 1987. С. 286) финал трагичен: «Молодого казаченьку ранило», а сами казаки «красные»: «Ведет красных казаков за собой». Можем предположить, что вариант этой песни возник либо во время Гражданской войны в 1917-1922 гг., либо это обработка В.Г. Захарченко в соответствие с идеалами советской эпохи.

Песня «Из-за леса, леса копий да мечей» является популярной в казачьей среде и демонстрирует широкую географию распространения, что отражается в локальной приуроченности вариантов.

Казачья песня «Отслужил казак три года» записана в с. Николаевка, Москаленского района в 1991 г. от Зинаиды Павловны Михайлист (1936), Раисы Андреевны Карабан (1934), Лидии Павловны Труновой (1930), Екатерины Александровны Мастеровой (1959), потомственных казачек:

Отслужил казак три года,

Стал к себе коня ласкать:

«Конь мой милый, конь ретивый,

Увези меня домой!

Увези меня домой, да

К отцу, к матери родной!

Увези меня домой, да

К отцу, к матери родной!»

Прискакал к родному дому,

Дом разваленный стоит.

Вышел дядя, вышел родный,

Все подробно рассказал.

Твоего отца убили,

Мать живьем в костре сожгли.

Твои сестры вышли замуж,
Братья поженились.
Повернул коня налево,
В чисто поле поскакал,
Вынул саблю, вынул востру,
Жизнь покончил навсегда [\[9\]](#).

В сборнике «Песни сибирских казаков Горькой линии», помимо названного варианта, есть еще один под названием «Прослужил казак». В примечании указано, что данная песня строевая. Записана она в 1991 г. в с. Степном Марьяновского района от Анастасии Андреевны Захаровой (1916), Галины Ивановны Прокоп (1928), казачек. Сюжет тот же, но в финале казак покончил с жизнью не саблей, а застрелился из винтовки:

Повернул коня налево,
В чисто поле поскакал.
Снял с плеча свою винтовку,
Жизнь покончил навсегда [\[11, с. 64\]](#).

На сайте «Казачьи песни» мы нашли вариант, записанный подъесаулом Л. Г. Чернявским в ст. Богуславская в 1904 г. от казака Оренбургского казачьего войска Полуднева [\[http://cossackssong.ru/prosluzhil-kazak-tri-goda/\]](http://cossackssong.ru/prosluzhil-kazak-tri-goda/). В песне казак приезжает в родные края и встречает соседа, который и сообщает ему печальную новость. Но казак не покончил с жизнью в поле, а отправился на кладбище, «где нашел своих родных».

Четвертый вариант представлен в сборнике «Песни Оренбургского казачества», записанный П.А. Малым в Бердах в 1936 г. от участников местного казачьего хора, организованного Андреем Ивановичем Воробьевым. Песня заканчивается:

Подбегает конь к воротам,
Конь ворота не узнал:
Весь мой двор был разгорожен
И оброс густой травой.
Все родные на кладбище,
Ох, и травую заросли

[\[https://berdskasloboda.ru/pesni-orenburgskogo-kazachestva/\]](https://berdskasloboda.ru/pesni-orenburgskogo-kazachestva/).

Схожий пятый вариант зафиксирован в Северном районе Оренбургской области (1987). Варьируется финал: милая рассказывает казаку, что «Этыт горыд разорён, / Разорённый етыт горыд, ве... весь халерый пахищён». Казак на кладбище находит могилу матери и говорит: «Встань, проснися, моя ды родная да, сы... сын со службы да твой пришёл» [\[21, № 183\]](#).

В варианте из сборника «Песни уральских казаков» сосед сообщает, что его молодая жена ушла к отцу и к матери:

Тут сосед к нему выходит,

Слово ласково сказал:

— Двор(ы) твой(и) брошен(ы), ра(ая)згорожен,

Он(ы) да зарос гус(ы)той травой.

Двор твой брошен, разгорожен,

Он зарос густой травой,

А жена(я) да тво(а)я да мла(я)дая

К от(ы)цу, к ма(я)тери(йи) да(я) ушла [\[22, с. 72\]](#).

В сборнике «Казачьи песни» Ю. С. Бирюкова опубликованы два варианта этой песни. Более полный вариант начинается со слов «Конь мой верный, конь ретивый», а в финале казак едет на кладбище, находит могилы своих родных и просит сырую землю: «Расступись, земля сырая, / Прими сына своего. / Я пришел к тебе, родная, / Мне не нужно ничего...». Во втором варианте все соседи вышли рассказывать казаку, что его родители умерли. После чего казак повернул налево и поскакал в чистое поле [<http://a-resni.org/kazaki/konmojvern.htm>].

Еще один вариант, записанный в г. Колпашево Томской области, есть в сборнике «Сибирские народные песни» [Новосибирск, 1957, с. 134-135] в разделе «Современные сибирские народные песни». Запись была сделана композиторами А. Новиковым и В. Левашовым. Только поется не о казаке, а о солдате, который приезжает в родные края и не верит своим глазам: там, где была степь, теперь растут дубравы, волны шумят в озере, в каждом доме горит свет, зреет виноград, и вся деревня превратилась в южный сад. Песня заканчивается:

И расправил гордо плечи

Бравый парень на коне.

Хорошо жить и трудиться

В нашей радостной стране.

В свой роман «Горькая линия», написанный в 1929 г., И. П. Шухов включает вариант рассматриваемой песни: казак встречает казачку, которая идет за водой и ему сообщает, что никто его дома не ждет: «Двор зарос глухой травой». После услышанного, казак поник головой: «Сирота в краю родном!» (Астана, 2009. С. 16–17).

Таким образом, нами обнаружено десять вариантов песни «Отслужил казак три года», что говорит о ее популярности. В ходе нашего исследования выявлены варианты, в большинстве связанные с казачьими локальными традициями. Текст из Томской области, где главный герой не казак, а солдат, свидетельствует о переработке традиционного текста в соответствии с запросом советской эпохи.

Важной частью казачьей песенной традиции стали песни литературного происхождения. Например, «Встала-проснулася зоренька алая», записанная от исполнителей с.

Соляного:

Встала-проснулася зоренька алая,
Слышится звон от подков.
Едет с набегом станица удалая –
Сотня лихих казаков.
Будь же здорова, моя чернобровая,
Жди жениха, так скучай,
Пусть не томит тебя дума глубокая,
Жив я, вернусь, так встречай.
Крепка надежная сбруюшка ратная,
Конь мой – лихой аргамак,
Пика каленая, сабля булатная,
Сам молодец я, казак!
Вот показались аулы опасные,
Пуля за пулей летит,
Мчатся казаки, как сила бесстрашная,
Пыль под копытом пылит.
Мчится по полю, как буря ужасная
Верный его аргамак.
Кровью облитый лежит умирающий,
Пулей сраженный казак! [\[10, № 20\]](#).

Данная песня – народная обработка стихотворения «Жених» из сборника «Казачьи стихотворения» А. Б. Карпова (Уральск, 1910. С. 6). Локальная приуроченность выражена в строке «Вот показались аулы опасные». Топос «аулы» отражает реальные задачи сибирских казаков – охранять пограничные территории от набегов степняков. Стихотворение «Жених» заканчивается встречей вернувшихся из похода казаков, невеста видит тело своего жениха, привязанное к седлу. Народная обработка авторского текста заключена в его сокращении, опущении подробностей нападения и трагического конца, что делает текст не привязанным к определенному историческому событию. В результате исторический фон приобретает обобщенный характер, а песенный текст становится понятным и близким в разных региональных традициях.

«Конь боевой с походным вьюком» – песня из электронной версии сборника «Запеваает казак песнь» Е. Я. Аркина:

Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржет, кого-то ждет

В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка горьки слезы льет.

А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых,
Ведет коня из церкви прямо,
С отцом, в кругу своих родных.

Жена подводит коня мужу,
Племянник пику подает,
Отец сказал: «Сынок, послушай
Моих речей ты наперед.

Вот эта пика роковая,
Подруга верная моя,
Вот это сабля боевая,
С ней бился дед, и бился я.

Дарю коня тебе гнедого,
Конь боевой был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня» [\[9\]](#).

В различных источниках указывается, что данная песня литературного происхождения. В ее основе лежит стихотворение «Напутствие казаку» из сборника «Казачьи досуги» донского поэта А. Туроверова (СПб: типография Якова Трея, 1858. С. 114). В стихотворении особое внимание уделено монологу отца, который послужил государю. Теперь черед сына-казака, Бог его благословит на подвиги. Отец рассказывает сыну об их славном казачьем роде и дарит коня, дает наставления об уходе за верным другом, дарит винтовку («У горца я отбилъ плутовку»), пику и шашку. Также отец советует, как нужно вести себя с товарищами, с командиром, и просит простить и не забывать свою семью, быть полезным на службе. Народная песня намного короче стихотворения А. Туроверова: в ней опущены подробности речи отца, его наставления и благословение. Благодаря этому текст песни стал более лаконичным, легким в исполнении.

В сборнике «Песни донских казаков» А. М. Листопадова мы нашли еще один вариант данной песни: «Конь – верный друг» ржет не у церкви, а у школы. И слезы льет не молодка, а мать. Отец обращается с речью, но дарит не пику и саблю, а только коня.

Казак садится верхом, к нему подходит плачущая жена, и он обещает ей вернуться через три года. В примечании указано: «Текст, переработанный казаками-песенниками из стихотворения донского поэта Туроверова, с значительными сокращениями, известен на Дону во многих вариантах. Настоящий вариант текста получен мною от одного из песенников хорового кружка казаков-грузчиков водной пристани г. Калача на Дону, от которых записан и напев» [\[23, с. 304\]](#). Текст записан в 1939 г. Мы видим, что данный вариант незначительно отличается от сибирского, но добавлено в финале прощание с женой, которого нет и у А. Туроверова.

1. Конь боевой с походным вьюком

У школы ржёт, кого-то ждёт,

2. А возле бабка плачет с внуком,

И мать ручьями слезы льёт.

3. Вот из дверей военной школы

Казак с приказом сам идёт,

4. Отец коня ему подводит

И речь такую он ведёт:

5. «Коня даю тебе лихого.

Он верный друг был у меня,

6. Он твоего отца родного

Носил в огонь и из огня.

7. Конь боевой всего дороже,

И ты, сынок, им дорожи,

8. И лучше сам ты ешь похуже,

Коня же в холе содержи!»

9. В седло казак садится смело.

Племянник пику подаёт,

10. Жена проститься с ним подходит,

Сама же горьки слезы льёт.

11. «Напрасно ты. родная, плачешь,

Напрасно слёзочки ты льёшь,—

12. Я через три года вернусь,

Счастливо жизнь наша пойдёт» [\[23, с. 303\]](#).

Рассмотренные песни представляют корпус текстов, не вызывающих сомнения в их принадлежности к традиционной культуре сибирских казаков.

Заключение

Традиционная казачья песня в современном бытовании представляет собой сложный синтез текстов как в жанровом аспекте, так и в отношении аутентичности ее вариантов и межпоколенной преемственности. Поэтому для вариативного анализа нами был выбран ограниченный корпус произведений из обрядового фольклора, строевых песен и песен литературного происхождения. Вариативный анализ проводился через сопоставление Прииртышских текстов с опубликованными разновременными записями из разных регионов.

Обрядовые свадебные песни отразили переселенческий характер сибирского казачьего фольклора, который включает как широко известные произведения, так и уникальные, представляющие контаминацию мотивов разных славянских переселенческих традиций.

Необрядовая лирика казаков и ее важная часть – строевые песни известна в разных регионах. Вариативный анализ выявил основные тенденции в изменемости текстов: во-первых, адаптация песен к новым условиям бытования с помощью введения в текст местных топонимов или деталей, во-вторых, упрощение, сокращение текстов в соответствие с меняющимися условиями жизни казаков, и в-третьих, усиление лирического начала за счет сокращения повествовательно-описательных эпизодов.

Представленные в статье тексты — это лишь часть песенного наследия казаков Омского Прииртышья. Однако целый ряд поздних записей, относимых собирателями к сибирской казачьей необрядовой лирике, требуют дополнительной атрибуции, т. к. репертуар современных исполнителей казачьей песни формируется не только за счёт естественной трансмиссии традиции, но и в процессе фольклоризации эстрадных образцов. В этом мы видим перспективы исследования региональной песенной культуры казаков.

Библиография

1. Аргудяева, Ю. В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.) / отв. ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2016. EDN: YOVBLS.
2. Кляус, В. Л. Русское Трёхречье Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015.
3. Кляус, В. Л., Махова, Л. П. По диким пустыням Китая – песня из репертуара забайкальских казаков Австралии: к истории текста и мелоса // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 4. С. 64-92. EDN: VQWYXQ.
4. Бородина, Е. М. Воинские песни сибирских казаков: тематика, образы и мотивы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 73-79. EDN: OWZXPf.
5. Бородина, Е. М. Песни казаков-станичников Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 49. С. 208-213. DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-208-213. EDN: QLOAXM.
6. Бородина, Е. М. Отражение исторической действительности в казачьем песенном фольклоре // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1(1). С. 61-71. EDN: HJZLYZ.
7. Бондарева, Н. И. Проснулась да станица: культурно-бытовые традиции чарышского казачества / Н. И. Бондарева, А. В. Мамеева [и др.]. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2006.
8. Мотузная, В. И. Основы импровизационности в песенном фольклоре (на основе лирики казаков Алтая) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы IV научно-практической конференции, Барнаул, 18-20 апреля 2001 года / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Вып. 4. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая

- академия, 2001. С. 150-165. EDN: TOGTSN.
9. Аркин, Е. Я. Запеваает казак песнь. Песни казачьих станиц Омской области. URL: <https://omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/zvukovaya-antologiya/zapevaet-kazak-pesn/> (Дата обращения: 10.12.2025).
10. Аркин, Е. Я. Запеваает казак песнь. Песни казачьих станиц Омской области. Омск: Наследие, 1999.
11. Аркин, Е. Я. Песни сибирских казаков Горькой линии. Поздний период записи. Сборник песен со звуковым приложением. Омск: Типография "Золотой тираж" (ООО "Омскбланкиздат"), 2024.
12. Olson, L. Performing Russia. Folk revival and Russian identity. London; New York: Routledge, 2004.
13. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Изд-во "Индрик", 1997. EDN: ТОНУМН.
14. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. Т. 3 / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993.
15. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть I: Семейно-обрядовые песни и причитания / сост. Н. В. Леонова (отв. сост.), Т. Г. Леонова, Л. М. Свиридова, Т. Б. Варфоломеева, К. П. Кабашников, А. С. Федосик; отв. ред. В. М. Гацак. Новосибирск: Наука, 2011.
16. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова; отв. ред. Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 2002.
17. Тюкалинская свадьба. Свадебные традиции русских старожиллов Омского Прииртышья: монография / В. Ю. Багринцева, М. А. Жигунова, Н. К. Козлова, Н. И. Лаптев, Т. М. Репина, О. Г. Сидорская / под ред. В. Ю. Багринцевой. Омск: Типография "Золотой тираж" (ООО "Омскбланкиздат"), 2023.
18. Свадебные песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / запись, сост., примеч. А. Мехнецова; предисл. А. Мехнецова и Е. Валиевской. Ленинград; М.: Сов. композитор, 1977.
19. Белоусова, Е. В. Подвиги Сталинграда в казачьем фольклоре // Сталинградская битва в историко-культурной памяти народов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Сталинградской битве, Волгоград, 03 февраля 2023 года. Волгоград: ИП Никулина М. Г., 2023. С. 211-217. EDN: KZMKGD.
20. Лирические песни / сост., предисл., подгот. текстов и примеч. П. С. Выходцева. М.: Современник, 1990.
21. Золотая коллекция музыкального фольклора казаков России / ред.-сост. Л. М. Белогурова, И. А. Никитина; Благотворительный фонд Фридриха Липса. М.: Российская академия музыки имени Гнесиных, 2023.
22. Песни уральских казаков / запись, нотирование, сост., вступ. статья и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург: Сфера, 1998.
23. Листопадов, А. М. Песни донских казаков. Т. 2 / под общ. ред. проф. Г. П. Сердюченко. М.: Музгиз, 1950.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования данной работы достаточно интересен, автор ориентирован на анализ песенного фольклора казаков Омского Прииртышья. Как отмечается в начале труда, «целенаправленное исследование песенного фольклора сибирских казаков началось в постперестроечный период. Так, фольклор забайкальских казаков рассматривают Ю.В. Аргудяева, В.Л. Кляус, Л.П. Махова [1-3], публикацией и изучением песен кемеровских занимается Е.М. Бородина [4-6], песенные традиции алтайских казаков представлены в работах Н. И. Бондаревой, А. В. Мамеевой, В.И. Мотузной [7-8]». Следовательно работа вполне оправдана, мотивирована. Общего объема достаточно для раскрытия темы, решения исследовательских задач. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «С 1951 г. в Омской области осуществляется систематическое собирание фольклора силами преподавателей и студентов Омского государственного педагогического университета. В фольклорном архиве вуза хранится богатейший материал, в котором, однако, нам не удалось обнаружить каких-либо указаний на принадлежность исполнителей к казачьему роду, т.к. носители казачьих традиций в советскую эпоху не могли открыто в этом признаться. Следовательно, однозначно определить отношение каких-либо записей к казачьему фольклору мы не можем. Поэтому для анализа песенного репертуара омских казаков мы выбрали публикации Е.Я. Аркина [9–11], который, начиная с 1990-х гг., целенаправленно записывал песни от пожилых представителей казачьих фамилий» и т.д. Материал информативен, содержателен, его можно использовать в рбежимер практики. Иллюстративный фон достаточен; считаю, что автору удалось полновесно раскрыть суть проблемы. Методы исследования соответствуют новым научным наработкам. Автор в финале констатирует, что «представленные в статье тексты — это лишь часть песенного наследия казаков Омского Прииртышья. Однако целый ряд поздних записей, относимых собирателями к сибирской казачьей необрядовой лирике, требуют дополнительной атрибуции, т. к. репертуар современных исполнителей казачьей песни формируется не только за счёт естественной трансмиссии традиции, но и в процессе фольклоризации эстрадных образцов. В этом мы видим перспективы исследования региональной песенной культуры казаков». Цитаты / ссылки на источники включены верно: например, «в сборнике «Песни донских казаков» А. М. Листопадова мы нашли еще один вариант данной песни: «Конь – верный друг» ржет не у церкви, а у школы. И слезы льет не молодка, а мать. Отец обращается с речью, но дарит не пику и саблю, а только коня. Казак садится верхом, к нему подходит плачущая жена, и он обещает ей вернуться через три года. В примечании указано: «Текст, переработанный казаками-песенниками из стихотворения донского поэта Туроверова, с значительными сокращениями, известен на Дону во многих вариантах. Настоящий вариант текста получен мною от одного из песенников хорового кружка казаков-грузчиков водной пристани г. Калача на Дону, от которых записан и напев» [23, с. 304]». Общие требования издания учтены, фактическая правка текста излишня. Рекомендую статью «Песенный фольклор казаков Омского Прииртышья в записях конца XX–XXI вв.» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».